

1924
Июль 1961 г.

Проф. М. Я. Пергаментъ.

Историческое
Судебное учение
альт.

УЧЕНИЕ ЛЕЙБНИЦА

О

ПРАВЪ НАСЛѢДОВАНІЯ.

13162 ч. ш. 4

СПбГУ

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1914.

СПбГУ

Ученіе Лейбница о правѣ наслѣдованія.

Данное ученіе Лейбница—явленіе, положительно, *sui generis*. Мѣсто, занимаемое здѣсь гениальнымъ, всеобъемлющимъ философомъ, совершенно обособленное. Будетъ справедливо сказать, что если не считать одной уже весьма поздней, болѣе того: сравнительно недавней доктрины, то теорія Лейбница, относящаяся къ праву наслѣдованія, не только не нашла себѣ подражателей вовсе, но и не оказала рѣшительно никакого вліянія на науку и литературу предмета, а тѣмъ менѣе на законодательство. Теорія Лейбница, повторяемъ, стоитъ вполнѣ одиноко, внѣ связи съ теченіемъ мысли и эволюціей въ области философіи наслѣдственнаго права.

Мы имѣемъ въ виду то воззрѣніе Лейбница, которое выражено въ его знаменитомъ разсужденіи «*Nova methodus discendae docendaeque iurisprudentiae*»¹, безспорно крупнѣйшемъ изъ немногочисленныхъ, впрочемъ, трудовъ нашего автора по праву и правовѣдѣнію, особенно же частному².

«*Nova methodus*», замѣчаетъ Куно Фишеръ,—это послѣднее по времени произведеніе Лейбница за его университетскіе годы, «единственное притомъ за этотъ періодъ, которое не предназначалось служить той или иной академической цѣли». Дѣйствительно, цѣль и поводъ здѣсь были другого рода. Данная работа должна была явиться для ея автора переходной ступенью отъ жизни университетской къ жизни уже практической. И надо сказать, что эту свою цѣль работа, дѣйствительно, хорошо выполнила. Она, несомнѣнно, облегчила автору полученіе искомой имъ должности и, слѣдовательно, въ извѣстной степени, предопредѣлила всю будущую карьеру молодого ученаго³.

Эти факты упоминаются нами потому, что они далеко не безразличны для самаго содержанія труда Лейбница и его оцѣнки. Дѣло въ томъ, что въ тѣсной связи съ сейчасъ изложенными обстоятельствами и соображеніями, Лейбницъ счелъ нужнымъ проявить особенную поспѣшность и свое сочиненіе написалъ въ нѣсколько всего дней, написалъ въ дорогѣ, не имѣя подъ рукою даже необходимыхъ литературныхъ пособій.

А такая поспѣшность, наряду съ необыкновенной молодостью автора («*Nova methodus*» относится къ 1667—68 годамъ, когда Лейбницу, только-что предъ тѣмъ удостоившемуся докторской степени въ

Альтдорфъ, было отъ рожденія немногимъ больше двадцати одного года), отразились на работѣ крайне чувствительно и повліяли на нее отнюдь не въ благотворномъ смыслѣ ⁴.

Правда, въ своей основной части и въ руководящемъ своемъ замыслѣ сочиненіе остается все же выдающимся и замѣчательнымъ. Объявленный молодымъ гениемъ походъ противъ завѣщанной методы изученія и преподаванія права—методы схоластической, не только Аристотелевской, но и значительно позднѣйшей, связанной съ именемъ извѣстнаго Pierre de la Ramée (онъ же Petrus Ramus),—этотъ походъ во имя естественности, систематичности и научности юриспруденціи, былъ, безспорно, и правиленъ и необыкновенно важенъ и, конечно, далъ прекрасные результаты. Точно также и правильнымъ и спасительнымъ оказалось выступленіе Лейбница въ этой же работѣ и противъ еще другого крупнаго зла: противъ системы изученія права въ такъ называемомъ легальномъ порядкѣ источниковъ римскаго права. Этотъ порядокъ или, говоря конкретнѣе, порядокъ размѣщенія юридическаго матеріала въ Юстиниановыхъ законодательныхъ сборникахъ вызываетъ рѣзкую критику и осужденіе нашего философа-юриста. «Methodi Iustinianeaevitia», заявляетъ онъ, требуютъ обновленія полнаго и рѣшительнаго, ибо, съ одной стороны, «docendae iurisprudentiae methodus» обнимаетъ «et methodum disponendae», а, съ другой стороны, очевидно, что «methodum legum hodierno aevo plane non esse accomodatam» ^{5, 6}.

Все это, разумѣется, высоко интересно и, настаиваемъ, принесло огромную пользу.

Къ искреннему, однако, сожалѣнію, нельзя никакъ утверждать того же самаго о другихъ частяхъ или, скромнѣе, о другихъ мѣстахъ сочиненія молодого Лейбница—мѣстахъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ наслѣдственному какъ разъ праву.

И если впослѣдствіи, въ преклонномъ уже возрастѣ, нашъ философъ возвращается мысленно къ своему юношескому произведенію, высказываясь о немъ или, точнѣе, о нѣкоторыхъ заключающихся въ немъ взглядахъ и положеніяхъ не безъ сочувствія и даже удовольствія, то можно смѣло утверждать: это не тѣ взгляды и не тѣ положенія, которыя относятся къ праву наслѣдованія. И обратно: когда всепреданный великому философу Христіанъ Вольфъ, въ своемъ извѣстномъ предисловіи къ данному труду Лейбница, дѣлаетъ то цѣнное признаніе, что его учитель въ зрѣлые годы успѣлъ во многомъ измѣнить свое мнѣніе и отъ многоаго, что было нѣкогда высказано, успѣлъ отказаться достаточно рѣшительно, то это признаніе, безъ сомнѣнія, относится—и притомъ первѣе всего—не къ иному чему, какъ къ Лейбницеву ученію о томъ же правѣ наслѣдованія ⁷.

* * *

Но пора перейти къ содержанію этого ученія, къ непосредственному ознакомленію съ нимъ.

Дважды на пространствѣ своего методологическаго произведенія

Лейбницъ разсуждаетъ о наслѣдованіи: въ связи съ субъектомъ права, разъ, и со способами приобрѣтенія права, два ⁸.

Что касается субъекта права, то таковымъ, согласно пониманію автора, можетъ служить не только лицо, которое, въ свою очередь, бываетъ или естественное (Богъ, ангель, челоувѣкъ) или «гражданское» (*persona civilis*), т.-е. юридическое ⁹, но и вещь. «*Res quoque subiectum iuris est et obligationis*», учитъ Лейбницъ. Естественно спросить: но когда же это бываетъ такъ? и поскольку? Смысль того отвѣта, который намъ здѣсь дается, слѣдующій: вещь оказывается правовымъ субъектомъ, всякій разъ какъ съ нею связаны право или обязанность, однако непременно связаны до того тѣснымъ образомъ, что вмѣстѣ съ данной вещью совершается и переходъ означенныхъ права или обязанности. Такой смыслъ отвѣта съ очевидностью вытекаетъ изъ приводимыхъ философомъ примѣровъ. Если, поясняетъ онъ, что-либо будетъ отказано должностному лицу, какъ таковому, то данное право вмѣстѣ съ должностью перейдетъ и ко всѣмъ его преемникамъ. Наоборотъ: если должностное лицо, опять какъ таковое, причинитъ кому-либо ущербъ, то отвѣчаетъ самая должность, и, слѣдовательно, обязательство вознаградить за причиненные вредъ и убытки снова перейдетъ къ преемникамъ по должности. Или еще: если что-либо будетъ отказано лошади (напримѣръ, металлическое украшеніе), то не можетъ быть спора, что вмѣстѣ съ отчужденіемъ лошади къ ея приобрѣтателю перейдетъ и названное украшеніе. Затѣмъ вещь — субъектъ обязательства также во всякомъ вещномъ правѣ. И наконецъ, сюда же относится и все ученіе о наслѣдованіи—на томъ основаніи, что наслѣдованіе не болѣе, какъ передвиженіе права или обязательства отъ одного субъекта къ другому ¹⁰.

Надо ли доказывать, прежде чѣмъ продолжать изложеніе, насколько все это слабо, несостоятельно и произвольно, какъ здѣсь сброшенъ воедино матеріалъ безусловно разнородный и пестрый?!

Если одно время еще можно было вести рѣчь о томъ, что при вещномъ сервитутѣ субъектомъ права является такъ назыв. *praedium dominans*, то по адресу случаевъ, поименованныхъ у нашего автора, аналогичнаго вопроса нельзя, кажется, и ставить. Ибо относительно этихъ случаевъ совершенно немислимо вызвать даже самое отдаленное представленіе не только о юридическомъ лицѣ, но и о той, по вѣрному выраженію Дербурга, карриатурѣ на юридическое лицо, какая допущена уже въ указанной конструкціи предіального сервитута ¹¹.

Но я мучительно желаю отыскать какое-нибудь, пусть даже необыкновенно слабое, объясненіе мысли Лейбница... И вотъ я припоминаю одно своеобразное явленіе и положеніе изъ области римскаго наслѣдственнаго права. Мнѣ приходитъ на умъ тотъ рабъ въ древнемъ Римѣ, котораго господинъ его назначалъ по завѣщанію своимъ наслѣдникомъ. Подобный рабъ, какъ извѣстно, вступалъ въ права наслѣдованія абсолютно независимо отъ своего на то желанія или нежеланія. Въ случаѣ же несостоятельности наслѣдственнаго имущества, онъ продавался, ~~и продажная цена была съ долга, и онъ подлежалъ удовлетворенію кредиторовъ,~~

причемъ вмѣстѣ съ нимъ—здѣсь центръ тяжести—оказывалась, весьма естественно, проданною и самая наслѣдственная масса, неотдѣлимая отъ него hereditas damnosa. Древнеримскій рабъ въ любопытной и поучительной роли своего рода бумаги на предъявителя!.. ¹².

Но какъ бы то ни было, одно не можетъ подлежать никакому сомнѣнiю: причислять наслѣдованiе къ области субъектовъ права только потому, что при наслѣдованiи наблюдается преемство правъ и обязанностей отъ субъекта къ субъекту,—до крайности неосновательно.

* * *

Выше уже было замѣчено, что въ дальнѣйшей части своего разсужденiя Лейбницъ снова обращается къ праву наслѣдованiя. На этотъ разъ онъ останавливается на немъ нѣсколько ближе и глубже. Что это происходитъ въ связи съ ученiемъ о способахъ приобрѣтенiя права, точно также упоминалось.

По воззрѣнiю Лейбница, способовъ приобрѣтенiя права («modi acquiritur iuris») нѣсколько. Это: 1. «natura», 2. «successio», 3. «possessio», 4. «conventio» и 5. «iniuria».

Всѣ эти способы болѣе или менѣе независимы другъ отъ друга, и, во всякомъ случаѣ, независимымъ отъ всѣхъ остальныхъ является названное на второмъ мѣстѣ наслѣдованiе.

Мы поэтому сосредоточимся сейчасъ на наслѣдованiи прямо и непосредственно. Но предварительно считаемъ полезнымъ отмѣтить одно обстоятельство, не лишнее важности.

Данное обстоятельство заключается въ томъ, что по Лейбницу наслѣдованiе—это, стало быть, способъ приобрѣтенiя права. Подчеркнемъ: права вообще, а не права только собственности. Здѣсь предъ нами иное, очевидно, воззрѣнiе, иное пониманiе, чѣмъ то, съ которымъ мы обычно встрѣчаемся у Гуго Гроція и Пуфендорфа и, далѣе, у Томазия, а равнымъ образомъ у почтеннаго ряда еще другихъ представителей школы естественнаго права. Что это иное отношенiе къ вопросу вмѣстѣ съ тѣмъ означаетъ и крупный успѣхъ, притомъ успѣхъ, который продиктованъ, надо думать, по преимуществу юридическимъ или, точнѣе, романистическимъ образованiемъ нашего автора,—не требуетъ, кажется, поясненiй ¹³.

Свои замѣчанiя о наслѣдованiи Лейбницъ открываетъ тѣмъ, что поучаетъ (отчасти въ повторенiе предыдущаго): наслѣдованiе (всякое!), «не создавая новаго права, лишь переноситъ право старое». Уже затѣмъ идетъ обсужденiе въ отдѣльности, сперва законнаго, а послѣ него завѣщательнаго наслѣдованiя ¹⁴.

Въ составѣ перваго—наслѣдованiя по закону—Лейбницъ различаетъ нисходящихъ, съ одной, и всѣхъ остальныхъ претендентовъ на наслѣдство, съ другой стороны. Однако, только нисходящiе, на взглядъ философа, наслѣдуютъ согласно праву естественному.

Ближайшимъ образомъ это наслѣдованiе нисходящихъ—дѣтей,

внуковъ, правнуковъ и т. д.—Лейбницъ затѣмъ характеризуетъ и опредѣляетъ при помощи двухъ указаній. Изъ нихъ одно неспособно привлечь интересъ читателя: нисходящія, молъ, наслѣдуютъ «по колѣнамъ». Зато другое указаніе не можетъ не вызвать удивленія и даже протеста.

Дѣти—такъ утверждаетъ Лейбницъ—получаютъ въ порядкѣ законнаго наслѣдованія лишь то имущество, которое ихъ родителямъ принадлежало въ моментъ ихъ, дѣтей, рожденія. Не смерти, слѣдовательно, родителей, а рожденія дѣтей.

Философъ спѣшитъ присовокупить и свое обоснованіе даннаго тезиса. Но это обоснованіе таково, что оно только усиливаетъ, а никакъ не ослабляетъ недоумѣніе читателя.

Разгадка, на взглядъ Лейбница, тутъ заключается не въ иномъ чемъ, какъ въ томъ положеніи, что душа дѣтей происходитъ, путемъ рожденія, отъ души родителей ¹⁵.

Нужно ли добавлять что-либо къ сейчасъ сказанному? Мы имѣемъ предъ собой попытку подвести юридическое основаніе подъ законное наслѣдованіе при помощи представленія, или, вѣрнѣе говоря, при помощи догмы о реальномъ происхожденіи одной души отъ другой на почвѣ дѣторожденія. Полагаемъ, подобную попытку остается лишь констатировать и—пройти мимо.

Что касается прочихъ наслѣдниковъ *ab intestato*, то ихъ позиція, по мысли Лейбница, далеко не та. Какъ уже отмѣчено, они почерпаютъ свои правомочія не изъ самой природы, не изъ естественнаго начала, а изъ права положительнаго. Соответственно, обоснованія ихъ положенія должно искать въ законѣ, въ—договорѣ.

Укажемъ, для полноты освѣщенія, что договоръ, о которомъ здѣсь упоминаетъ Лейбницъ,—это источникъ, который, съ точки зрѣнія его доктрины, и вообще чрезвычайно распространенъ и играетъ роль очень видную и значительную.

На договорѣ—таково ученіе Лейбница—построено все публичное право: «*die Policeyordnungen*», затѣмъ, право уголовное, или, другими словами, право государства на наказаніе—все равно, будетъ ли то наказаніе тѣлесное или денежное,—далѣе, процессъ, одинаково уголовный и гражданскій. Во всѣхъ этихъ областяхъ право проистекаетъ изъ договора, заключеннаго между подданнымъ и государствомъ, изъ обѣщанія, даннаго первымъ послѣднему, что онъ, подданный, будетъ выполнять постановленія государства—какъ общія, т.-е. законы, такъ и тѣ, которыя имѣютъ въ виду отдѣльный конкретный случай, т.-е. рѣшенія. «*Ex ipso igitur pacto promissae fidelitatis*» возникаютъ обязанности, а, слѣдовательно, возникаетъ и само право ¹⁶.

Нетрудно видѣть, что тотъ договоръ, изъ котораго философъ-юристъ выводитъ и законное также право наслѣдованія, за исключеніемъ одного лишь наслѣдованія нисходящихъ,—не иное что, какъ соглашеніе личности съ государствомъ, какъ знаменитый или, лучше, пресловутый первобытный договоръ естественно-правовой школы.

Итакъ, еще разъ: только наслѣдованіе нисходящихъ можетъ при-

тязать на болѣе глубокое основаніе, только оно дѣйствительно находить себѣ настоящую опору и оправданіе. Ни наслѣдованіе боковыхъ, ни даже наслѣдованіе восходящихъ не можетъ похвалиться тѣмъ же: это установленіе положительнаго права, дѣло рукъ человѣческихъ, продуктъ компромисса и подчиненія.

Взглядъ въ достаточной мѣрѣ радикальный и во всякомъ случаѣ мало благопріятный для законнаго наслѣдованія въ его цѣломъ!

Совершенно иначе, однако, Лейбницъ относится къ праву наслѣдованія другого типа—типа завѣщательнаго.

Правда, учить онъ, и завѣщаніе, если держаться началъ чистаго, естественнаго права, должно бы считаться не имѣющимъ никакого значенія. Но тутъ привходитъ одно обстоятельство, которое измѣняетъ дѣло самымъ рѣшительнымъ образомъ, ибо надѣляетъ завѣщаніе именно естественно-правовую природою. Это обстоятельство, тотъ фактъ, который здѣсь имѣется въ виду Лейбницемъ, заключается, по его увѣренію, не въ чемъ иномъ, какъ—въ безсмертіи человѣческой души.

Завѣщанію—такъ разсуждаетъ философъ—нельзя отказать въ силѣ потому, что мертвые на самомъ дѣлѣ продолжаютъ жить и, слѣдовательно, пребываютъ попрежнему собственниками оставленнаго ими послѣ смерти имущества. Что же касается лицъ, которыя завѣщателемъ назначены въ качествѣ наслѣдниковъ, то на нихъ необходимо смотрѣть иначе: они не собственники наслѣдственной массы, а не болѣе какъ повѣренные «въ собственномъ интересѣ»^{17, 18.}

Очевидно, и данное воззрѣніе Лейбница не можетъ, равнымъ образомъ, почитаться ни правильнымъ, ни удачнымъ. И неудивительно, что на пространствѣ двухъ съ половиною вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ времени появленія методологической работы юнаго мыслителя, не нашлось почти вовсе писателей, которые бы согласились раздѣлить его воззрѣніе на природу завѣщанія.

Начиная Пуфендорфомъ, Барбейракомъ, Томазіемъ и другими именами той эпохи и кончая нашими днями—назову только Унгера, Гартмана, у насъ Б. Н. Чичерина,—отношеніе къ доктринѣ Лейбница, за рѣдчайшими только исключеніями, неизмѣнно и рѣзко отрицательное^{19.}

Даже Фердинандъ Лассаль, и тотъ подвергаетъ критикѣ, а затѣмъ отвергаетъ разсматриваемую теорію. Говорю «даже Лассаль» по той легко понятной причинѣ, что всѣхъ ближе къ Лейбницу подошелъ именно онъ въ своемъ фантастическомъ (въ конечномъ итогѣ, преслѣдующемъ чисто соціально-политическія цѣли) ученіи о безсмертіи индивидуальной воли, какъ основаніи и объясненіи римскаго наслѣдственнаго права съ его главнѣйшей частью—наслѣдованіемъ по завѣщанію. И вотъ оказывается, что при всемъ томъ, несмотря на расточаемыя имъ Лейбницу похвалы какъ разъ за теорію о завѣщаніи, Лассаль все-таки приходитъ къ тому выводу, что эта теорія «терпитъ полное крушеніе» и «по всѣмъ направленіямъ», и что она «одинаково несостоятельна въ смыслѣ какъ юридическомъ, такъ и философскомъ»^{20.}

Это признаніе Лассалья, безъ сомнѣнія, весьма интересно. Но еще

интереснѣе пожалуй, тѣ соображенія и доказательства, которыми онъ подкрѣпляетъ свое отрицательное сужденіе.

Въ противоположность римскому безсмертію, разсуждаетъ Лассаль, безсмертіе христіанское отрѣшено отъ земной жизни и всего земного. Поэтому съ христіанской точки зрѣнія, съ точки зрѣнія безсмертія души, покойный не можетъ оставаться собственникомъ. Подобное продолженіе собственности было, конечно, возможно на почвѣ римскаго пониманія. Ибо римскимъ пониманіемъ и безконечность и безсмертіе усматривались въ волѣ, а, слѣдовательно, эту волю, волю наслѣдодателя, римляне дѣйствительно могли надѣлять и фактически надѣляли истиннымъ безсмертіемъ, предоставляя ей жить въ субъективной волѣ другого лица, еще находящагося въ живыхъ. Но совсѣмъ иное дѣло—христіанская точка зрѣнія, для которой безсмертіе мыслимо исключительно «въ трансцендентномъ небѣ абсолютной духовности». Для нея, принципиально, не можетъ быть рѣчи о какомъ бы то ни было продолженіи существованія духа внутри другого субъекта, а, слѣдовательно, и не можетъ быть вовсе рѣчи о духѣ, какъ о собственникѣ.

Замѣтимъ по поводу этой антитезы, что она, впрочемъ, невѣрна. Однако невѣрна лишь потому, что невѣрно утвержденіе Лассалья въ той его части, которая относится къ римскому, будто бы, представленію. Въ остальномъ, въ той другой части своего утвержденія, которая касается христіанскаго пониманія вопроса и единственно насъ здѣсь интересуетъ, Лассаль, наоборотъ, несомнѣнно правъ. Заключающаяся здѣсь критика ученія Лейбница, при всей своей простотѣ и краткости, совершенно убѣдительна.

Къ своему философскому возраженію Лассаль присоединяетъ, однако, еще возраженіе юридическое. Въ извѣстномъ, по крайней мѣрѣ, объемѣ и это возраженіе представляется не только остроумнымъ, но и вѣрнымъ. Сущность его сводится къ тому, что Лейбницемъ упразднена собственность. Изъ разбираемой теоріи, говоритъ Лассаль, неизбѣжно вытекаетъ, что единственный собственникъ—это Адамъ, т.-е. первый человѣкъ или, лучше, первый по времени завѣщатель. Всѣ прочіе люди ставятся Лейбницемъ, и притомъ на вѣчныя времена, въ положеніе только управителей и повѣренныхъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ выходитъ, что завѣщательное наслѣдованіе дѣйствительно спасено,—но какъ? какою цѣною? Цѣною собственности.

Наконецъ, заключаетъ Лассаль, нельзя не отмѣтить, что, взятая въ цѣломъ, доктрина Лейбница страдаетъ еще другимъ кореннымъ недостаткомъ: ея части находятся между собой во внутреннемъ и неустранимомъ противорѣчьи. Это слѣдуетъ вотъ изъ чего. Если «на самомъ дѣлѣ мертвые продолжаютъ жить и, стало быть, остаются собственниками»—а вѣдь именно таковъ тезисъ Лейбница, таковы его подлинныя слова,—тогда необходимо прийти къ тому же точно заключенію (Лассаль добавляетъ: еще даже въ большей мѣрѣ) и относительно наслѣдства *ab intestato*, т.-е. имущества, оставляемаго послѣ смерти помимо завѣщанія. Но если такъ, то нельзя не видѣть, что въ итогъ самъ Лейбницъ разру-

шаетъ то основаніе или, правильнѣе, тѣ основанія, которыя онъ же установилъ раньше.

Намъ кажется, что и данный доводъ тоже вполне резонный. Лассаль правъ, несмотря даже на то обстоятельство, что у Лейбница наслѣдованіе по закону съ наслѣдованіемъ по завѣщанію не связано рѣшительно ничѣмъ. Первое у Лейбница отнюдь не является производнымъ отъ второго: наоборотъ, оба другъ отъ друга совершенно независимы, оба, такъ сказать, «первоначальны». (Мимоходомъ обращаемъ вниманіе и на эту сторону дѣла, ставя ее вмѣстѣ съ тѣмъ Лейбницу въ безспорную и немаловажную заслугу: здѣсь снова крупное расхожденіе нашего философа съ Гуго Гроціемъ и со всею вообще школою естественнаго права, которая по вопросу о взаимоотношеніи основаній наслѣдованія исповѣдывала, какъ извѣстно, воззрѣніе едва ли не діаметрально противоположное).

Но и при полной самостоятельности двухъ родовъ наслѣдованія данное критическое замѣчаніе Лассалья все же, настаиваемъ, справедливо. Разумѣется, вѣрно, что если бы принять ученіе Лейбница, то и въ области наслѣдованія по закону, не исключая даже наслѣдованія нисходящихъ, всякій наслѣдникъ очутился бы неизбѣжно въ положеніи подчиненномъ (въ сравнительно скромной роли только procurator'a in rem suam), а никакъ не въ роли собственника, лица полновластнаго, равнаго по своимъ правамъ наслѣдодателю.

Лейбницъ и въ этомъ не успѣлъ отдать себѣ надлежащей отчетъ. Такимъ образомъ, остается признать, что нашъ философъ-юристъ, помимо всего прочаго, не свободенъ и отъ упрека въ непослѣдовательности и прискорбномъ противорѣчій съ самимъ собою.

Проф. М. Я. Пергаментъ.

Примѣчанія и экскурсы.

¹ Полнѣе: «Nova Methodus Discendae Docendaeque Jurisprudentiae, Ex Artis Didacticae Principiis in parte generali praeparaemissis, experientiaeque luce». См. изданіе Dutens'a: Gothofredi Guillelmi Leibnitii Opera Omnia in Sex Tomos distributa (1768), томъ IV, часть 3, стр. 159—230. Здѣсь перепечатано извѣстное изданіе даннаго труда Лейбница, выпущенное въ свѣтъ его ученикомъ, знаменитымъ Христіаномъ Вольфомъ, и снабженное предисловіемъ послѣдняго (Lipsiae et Halae, 1748).

² Наиболее обстоятельно трактуетъ о «Nova methodus...» небезызвѣстный германскій цивилистъ, рано умершій *Gustav Hartmann*, въ своей прекрасной работѣ, озаглавленной «Leibniz als Jurist und Rechtsphilosoph» (въ «Festgabe» Тюбингенскаго юридическаго факультета въ честь Іеринга въ 1892 году, а также отдѣльно). Въ русской литературѣ о томъ же трудѣ Лейбница даютъ свѣдѣнія: *П. И. Новгородцевъ*, «Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба», стр. 32 и сл.; *Н. М. Коркуновъ*, «Исторія философіи права» (изд. 4), стр. 162, и *Г. Ф. Шершеневичъ*, въ своей «Исторіи философіи права» (изд. 2), стр. 377 и сл.

³ Kuno Fischer, *Gottfried Wilhelm Leibniz*, 3 изд. (въ «Geschichte der neuern Philosophie», нов. изд., т. II), стр. 52 (русскій переводъ Полилова, 1905, стр. 54).

⁴ «Est ille (libellus) scriptus ab adolescente et quidem in itinere, sine ullo apparatu librorum», — такъ отзывается о своемъ сочиненіи самъ Лейбницъ. См. его переписку съ Вирлингомъ (письмо отъ 19 апрѣля 1712 года). Въ другомъ письмѣ къ тому же корреспонденту (отъ 16 марта того же года) заключаются еще другія любопытныя сообщенія автора о томъ же трудѣ. Онъ пишетъ: «Aliquoties admonitus sum, ut incudi redderem, et sane sunt in eo libello cogitationes quaedam, quas ne nunc quidem sperno. Multa tamen, fateor, dicta sunt ieiunius: nam festinatissimus labor in diversorio Francofurtano effundebatur, ut esset, quod Electori Moguntino dedicaretur, ad quem aditus mihi factus erat. Et tamen (sane) fecit opusculum non tantum, ut innotescerem magis, sed et ut probarer insigni Principi, et in Consiliarium Revisionum asciscerer. Nunc si recudi deberet, multa essent corrigenda et supplenda...»

Оба письма приведены какъ у Dutens'a, Opera Y стр. 381 и 378 и сл., такъ и у Gerhardt'a, Die philosophischen Schriften von Gottfried Wilhelm Leibniz, т. VII (1890) стр. 504 и сл. и 503 и сл.

Ср. еще письмо Лейбница къ герцогу Ганноверскому отъ 21 мая 1671 года: «...einem vor etlichen Jahren von mir zwar ausm Stegreif und auf der Reise aufgesetzten Tractätlein, so ich Methodum novam docendae discendaeque jurisprudentiae genennet...» См. Leibnitz's Deutsche Schriften, издалъ Guhrauer, I (1838) стр. 269.

См. также Hartmann'a указ. соч. стр. 17, а равно Landsberg'a, Geschichte der Deutschen Rechtswissenschaft III, 1 (Text) стр. 24.

⁵ См. «Methodus nova...», въ особенности часть вторую: это pars «specialis, ad solam Jurisprudentiam restricta», въ то время какъ pars I — «generalis, caeterisque Facultatibus communis». Возраженія «Petro Ramo Ramistisque», см. въ § 7 второй части (Dutens Opera IV указ. мѣсто стр. 182). О дефектахъ порядка Юстиніанова законодательства Лейбницъ трактуетъ тамъ же §§ 8 и слл., особенно § 10, гдѣ, между прочимъ, говорится: «Primum in ipsa methodo Justiniana labor crescit in duplum, dum alia est Institutionum, alia Digestorum Codicisque methodus», а, въ частности, по адресу дигестъ и кодекса мы читаемъ: «In Digestis certe et Codice perpetua ordinis causa est veteris iuris ratio, quae tantum ad hodiernam, quantum sus ad Minervam». Ср. еще Hartmann'a, указ. соч. стр. 18 и слл. О вліяніи намѣченныхъ идей Лейбница по преобразованію изученія и преподаванія права см. Новгородцева, Историч. школа юристовъ, стр. 33 и сл.

⁶ Признаніе Лейбницемъ дефектности сборника Юстиніана въ направленіи системы, разумѣется, ничего не предрѣшаетъ въ смыслѣ общаго отрицательнаго отношенія философа-юриста къ самому римскому праву. Напротивъ того: хорошо извѣстны восторженные отзывы именно Лейбница о томъ же римскомъ правѣ, — точнѣе, о твореніяхъ римскихъ юристовъ. Вотъ его подлинныя слова, взятыя изъ одного письма къ Кестнеру (epistola XV отъ 1716 г., Dutens Opera IV указ. мѣсто стр. 267 и сл.):

«I. Cum id agas ab annis compluribus, ut iurisprudentia emendetur, orneturque, et nunc per omnes Digestorum Justiniani libros usum, et ut appellas valorem, divini illius operis ostendas; meum certe applausum habes dudum, publicum haud dubie habebis opere toto absoluto. Ego semper admiratus sum, scripta veterum Jureconsultorum Romanorum, quaecumque nobis sive in Digestis illis, sive alibi, velut ex naufragio Tabulae pretiosae supersunt.

II. Romani in omni genere doctrinae Graecis cedunt. Ab iis Philosophiam, Medicinam, studia Mathematica mutuo sumserunt, de suo vix quicquam magni momenti adiecerunt: in una Jurisprudentia regnant; huius etsi semina a Graecis acceperint, inde tamen hortum excitarunt amplissimum pulcherrimumque, eaque in re una, omnes populos, quod constat, vicerunt.

[Слѣдуютъ знаменитыя стихи Виргилія, съ заключительными словами:

«Tu regere imperio populos Romane memento,
Hae tibi erunt artes...»]

Dixi saepius, post scripta Geometrarum nihil exstare, quod vi ac subtilitate cum Romanorum Jureconsultorum scriptis comparari possit: tantum nervi inest, tan-

tum profunditatis... Nec uspiam Juris Naturalis praeclare ex culti uberiora vestigia deprehendas. Et ubi ab eo recessum est, sive ob formularum ductus, sive ex maiorum traditis, sive ob leges novas, ipsae consequentiae, ex nova Hypothesi aeternis rectae rationis dictaminibus addita, mirabili ingenio, nec minore firmitate deducuntur. Nec tam saepe a ratione abitur, quam vulgo videtur.

III. Et (ut exemplum afferam)...»

(Ср. еще epist. I къ Кестнеру же отъ 1708 г. у Dutens'a въ указ. мѣстѣ стр. 254).

По поводу сейчасть приведеннаго мѣста французскій юристъ Лерминь замѣчаетъ: «On sait communément que Leibnitz a comparé le droit romain à la géométrie et aux mathématiques pour la rigueur des déductions logiques; mais on n'a pas fait assez attention que ce n'est pas une hyperbole échappée à l'admiration d'un homme ordinaire: c'est le jugement réfléchi du rival de Newton». Lerminier, Introduction générale à l'histoire du droit (1829) стр. 153 и сл.

(Мимоходомъ упомянемъ, что въ трудѣ Лерминь и вообще имѣется краткая, но содержательная глава (X, стр. 140—156) «Leibnitz considéré comme jurisconsulte». Къ сожалѣнью, объ этомъ своемъ предшественникъ Густавъ Гартманъ, повидимому, не знаетъ. Здѣсь сказалось господствовавшее вплоть до послѣдняго времени незнакомство Германіи съ научной юридической литературой Франціи и vice versa).

Правда, Лейбницъ немало и сѣгуетъ на римское право (объ этихъ сѣтованіяхъ см., наприм., Новгородцева указ. соч., стр. 32 и сл.), но необходимо, для правильнаго отношенія къ вопросу, имѣть въ виду, что порицаемые Лейбницемъ недостатки римскаго права («obscura prolixitas» и т. п.) все же почти всецѣло относятся философомъ опять-таки къ компиляціи римскаго права, ставятся въ вину не иному кому, какъ Трибониану и его сотрудникамъ. Въ той же «Epistola ad amicum de Naevio et Emendatione Jurisprudentiae Romanae», въ которой доказывается необходимость созданія новаго законодательства (данное «письмо» служитъ предисловіемъ къ «Ratio Corporis Juris Reconcinnandi»), Лейбницъ замѣчаетъ: «...quae (leges Romanae) quanquam quoad maximam partem cum rationis praecceptis consentiant...» (Dutens Opera IV указ. мѣсто стр. 332). Цѣнное и важное признаніе—съ точки зрѣнія, между прочимъ, вопроса о соотношеніи права естественнаго и римскаго!

Наконецъ, послѣднее. Въ подобномъ своемъ воззрѣніи на римское право Лейбницъ, разумѣется, не стоитъ одиноко. Такъ — ограничиваюсь примѣромъ — и знаменитый Hotman въ равной мѣрѣ былъ преисполненъ и удивленія къ римскимъ классикамъ-юристамъ и нелюбви къ Трибониану. На вѣрной поэтому почвѣ находится Баронъ, когда, говоря о нападкахъ Лейбница на римское право, замѣчаетъ: «...dabei bewegt er sich meines Erachtens ganz im Hotman'schen Gedankenkreise: es ist die Form der Compilation, welche er bekämpft, das Herausreissen von Ausschnitten aus ihren ursprünglichen Stätten, die schlechte Aneinanderreihung derselben, die hundertfaltige Wiederholung desselben Rechtssatzes an verschiedenen Stellen, die Aufnahme von Rechtssätzen, die durch spätere Gesetze abgeschafft worden sind...» (J. Baron, Franz Hotmanns Antitribonian. Ein Beitrag zu den Codificationsbestrebungen, vom XVI bis zum XVIII Jahrhundert, стр. IX, XXVIII и сл.).

⁷ См. это предисловіе: «... probetur Leibnitium maturiori aetate in nonnullis mutasse sententiam suam, et a vulgaribus opinionibus, quas juvenis amplexus fuerat, discessisse...». И дальше: «...Leibnitium aetate maturiori minime probasse rationem, quam reddit... cur et quatenus testamenta sint iuris naturalis, quippe quae magis ingeniosa, quam solida est» (Dutens Opera IV указ. мѣсто стр. 161).

⁸ Упоминается о наслѣдованіи, завѣщаніи, легатѣ, фидеикомиссѣ и т. п. еще и въ другихъ мѣстахъ, но здѣсь именно только упоминаніе, не представляющее никакого интереса (см., напр., pars II §§ 5, 8: Dutens Opera IV указ. мѣсто стр. 181, 182).

⁹ Лейбницъ прибавляетъ (pars II § 16, Dutens Opera IV указ. мѣсто стр. 185): «Persona civilis est Collegium, quod quia habet unam voluntatem certo signo dignoscibilem v. g. ex pluralitate votorum, sorte, etc. ideo obligare et obligari potest».

¹⁰ Тамъ же: «...v. g. officio aliquid legetur, ius erit apud omnes successores; si quis in officio existens, qua talis est alicui damnum det, ipsum officium tenebitur,

transibitque in successores obligatio. Ita si equo aliquid legetur v. g. phalerae, dubitandum non est, ad dominum equi, alienato equo, rem transire: idem de servo iuris est, qui ipse non pro persona habendus, sed re. In omni vero iure reali res est subiectum obligationis. Porro ad subiectum pertinet tota Successionum materia. Quia successio est motus iuris vel obligationis de subiecto in subiectum». (Параграфъ заканчивается словами: «Tractandum et hic de iis, quae pluribus communia sunt»). Ср. Hartmann'a указ. соч. стр. 26.

¹¹ См. Dernburg, Pandekten, 7 изд., I стр. 238 и сл. («Aber das wäre ein Zerrbild einer juristischen Person...»). Что, впрочемъ, въ данномъ случаѣ вовсе не то отношеніе, которое представляетъ себѣ Лейбницъ, видно уже изъ того факта, что онъ здѣсь же говоритъ о «субъектѣ обязательства». И еще только слѣдующее. Какъ явствуетъ изъ помѣщенного рядомъ, въ § 17, ученія объ «объектѣ», Лейбницъ признаетъ, что во всякомъ вещномъ правѣ вещь является «объектомъ права». Итакъ, въ вещномъ правѣ вещь—это одновременно и объектъ права и субъектъ обязательства!

¹² Gai II §§ 185 и сл.; Ulpiani Regul. XXII, 7, 12; с. 5 пр. §§ 1, 2 C. de necessar. et serv. 6, 27; пр., § 1 l. de hered. instit. 2, 14. Ср. Girard, Manuel, издан. 5, стр. 822.

¹³ См. хотя бы Б. Н. Чичерина, Собственность и государство, I стр. 208, а также мою лекцію «Предѣлы наслѣдованія въ гражданскомъ правѣ» (1906), стр. 10 и сл., и брошюру покойнаго профессора Цюрихскаго университета Н. Ф. Hitzig'a, Die Grenzen des Erbrechts (1908), стр. 7 и сл. (русскій переводъ, 1910, стр. 4 и сл.). Изъ курсовъ на русскомъ языкѣ по исторіи философіи права мысли Гуго Гроція и Пуфендорфа о наслѣдованіи реферированы вкратцѣ у Г. Ф. Шершеневича (указ. соч. стр. 296 и сл., 359 и сл.). Отрадное вниманіе даннаго автора къ вопросамъ не только «права» (въ общемъ) и «государства», но и права, напр., гражданского, находитъ себѣ, очевидно, объясненіе въ томъ достаточно исключительномъ обстоятельстве, что авторомъ курса по исторіи философіи права тутъ явился не публицистъ, а цивилистъ.

¹⁴ Привожу все мѣсто цѣликомъ въ подлинникъ:

«Successio § 16, quae non producit novum ius, sed vetus transfert. Succedunt autem ab intestato mero iure soli descendentes in stirpes, sed ita in ea tantum bona, quae parentis erant, cum nascerentur, quia anima eorum per traducem ex anima parentis orta est: caeterorum successio ab intestato pertinet ad fontem pactorum, quia ex lege descendit. Testamenta vero mero iure nullius essent momenti, nisi anima esset immortalis. Sed quia mortui revera adhuc vivunt, ideo manent domini rerum, quos vero haeredes reliquerunt, concipiendi sunt ut procuratores in rem suam» (§ 20, а не 19, какъ ошибочно цитируютъ очень многіе, въ томъ числѣ даже Вольфъ въ своей «praefatio»,—Dutens Opera IV указ. мѣсто стр. 187; въ отдѣльномъ изданіи Вольфа—стр. 42 и сл.).

¹⁵ Употребленный Лейбницемъ терминъ «per traducem» встрѣчается въ томъ же метафорическомъ смыслѣ (tradux—собственно, виноградный отводокъ) у христіанскихъ богослововъ и философовъ. У Forcellini—De-Vit (Totius Latinitatis Lexicon VI стр. 136) читаемъ s. h. v.: «Anastas p. p. e. b. n. 7. Ab illis (parentibus) nihil aliud potest tradi, quam quod ab ipsorum mala praesumptione commissum est: id est culpa poenae peccati, quam per traducem secuta progenies evidenter ostendit, ut pravi homines distortique nascantur... itaque per traducem, quod a parentibus traditur, evidenter apparet, etc. Laurent. Novariens. Homil. I. Peccatum mundi quid est? Delictum Adam per traducem seminis ad filios devolutum. Rufin. invens Orig. I. Περὶ ἀρχῶν praef. 5. de anima vero utrum ex seminis traduce ducatur, ita ut etc.».

Смотри далѣе, въ особенности, Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis conditum a Carolo Dufresne Domino Du Cange (cum supplementis integris... D. P. Carpenterii... digessit Henschel). Tomus VI. Parisiis 1846, p. 632, s. h. v.: «...Tradux invenitur etiam, inquit Ioannes de lanua, pro originali peccato quod Adam commisit, et ab ipso in posteros fuit translatum, sicut de patribus filii

propagantur. Hinc Traduciani appellati vulgo a Pelagianis Catholici omnes, qui, contra quam ii mortem in omne genus humanum per transitum seu Traducem et per peccatum et per semina transire, currere, ut loquitur Marius Mercator lib. subnotat. cap. 9 § 7, 14, hoc est per peccatum originale, existimant... Tradux denique vox usurpata ab iis haereticis, qui animas a parentibus in filios traduci existimabant. Aiebant enim, animas rationes esse ex traduce, id est ex propagatione ductas, vel origine, ex altero, ita ut anima filii ex anima patris originem haberet. Quam haeresin carpit loco laudato Prudentius:

Vitandus tamen error erit, ne Traduce carnis
Transfundi in sobolem credatur fons animarum
Sanguinis exemplo, cui tenta propagine vena est.

Eusebius Pamphili in Apologia Origenis ex versione Ruffini: De anima vero, utrum ex semine Traducis ducatur, ita ut ratio ipsius vel substantia inserta ipsis seminibus habeatur, an vero aliud habeat initium, etc.

Ср. еще Eduard Brinckmeier, Glossarium diplomaticum... des gesammten deutschen Mittelalters... II, Hamburg u. Gotha 1855, стр. 625, s. h. v.

Напомнимъ, кстати, о томъ хорошо извѣстномъ фактѣ, что Лейбницъ былъ отнюдь не чуждъ ни богословскаго міра, ни богословія и богословскаго образованія. См., напр., статью о немъ проф. Л. М. Лопатина въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза—Ефрона XVII A, стр. 486 и слл. и указанную тамъ литературу. И въ самой «Nova methodus» Лейбницъ удѣляетъ мѣсто богословію: см. pars II § 36 и слл. (Dutens Opera IV указ. мѣсто стр. 193 и слл.) и II § 5 (Dutens тамъ же стр. 181), въ каковомъ послѣднемъ параграфѣ отмѣчается также связь между правовѣдѣніемъ и богословіемъ: «Nec mirum est, quod in Jurisprudencia, idem et in Theologia usu venire, quia Theologia species quaedam est Jurisprudenciae universim sumtae, agit enim de jure et legibus obtinentibus in republica aut potius regno Dei super homines; moralis de iure privato, reliqua de iure publico...»

¹⁶ «Nova methodus» pars II §§ 18 i. f. и 19 (Dutens тамъ же стр. 186).

¹⁷ Такъ мною переводится терминъ автора «procuratores in rem suam»; этотъ терминъ романисты — и русскіе и иностранные — нерѣдко предпочитаютъ оставить безъ перевода вовсе. Самая фигура procurator'a in rem suam, конечно, достаточно знакома изъ римскаго права въ связи съ цессією и ея исторіей въ древнемъ Римѣ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что романистически образованный Лейбницъ (о тщательнѣйшихъ его занятіяхъ римскимъ правомъ см., напр., Hartmann'a, указ. соч., стр. 30 и сл.) — въ работѣ, къ тому же, въ немалой своей части трактующей о римскомъ именно правѣ — употребилъ выраженіе «procurator in rem suam» вполнѣ сознательно и намѣренно, желая имъ означить не просто повѣреннаго или уполномоченнаго, а лицо съ большимъ объемомъ правъ, и притомъ лицо съ двойственнымъ непремѣнно характеромъ (каковая двойственность для римскаго procurator'a in rem suam — черта какъ разъ отличительная и важная): съ одной стороны, разъ покойный наслѣдодатель еще продолжаетъ быть собственникомъ наслѣдственной массы, то наслѣдникъ, дѣйствительно, не болѣе, какъ представитель, а, съ другой стороны, кто станетъ утверждать, что наслѣдникъ, который по общему правилу воленъ распорядиться наслѣдственнымъ имуществомъ, какъ ему угодно, можетъ быть признанъ и названъ только представителемъ?! Неправильно поэтому переводъ обсуждаемаго мѣста у Чичерина (указ. соч. I стр. 290): «наслѣдники же... должны разсматриваться, какъ ихъ повѣренные въ завѣдываніи имуществомъ». Тутъ слова: «in rem suam» не поняты, а вмѣстѣ съ тѣмъ не поняты и не переданы содержащейся въ нихъ весьма существенный и глубокой оттѣнокъ. (Случилось же это по простой, думается, причинѣ: Б. Н. Чичеринъ — публицистъ, а русскіе публицисты — не могу не сказать этого при всемъ искренности къ нимъ уваженію — въ большинствѣ своемъ, къ сожалѣнію, мало знакомы съ частнымъ, особенно съ римскимъ частнымъ правомъ, даже въ его элементахъ.) Впрочемъ, въ той же дефектности перевода повиненъ и Лассаль («System der erworbenen Rechte»,

2 изд., II стр. 502), хвалившийся, какъ извѣстно, своимъ знаніемъ римскаго права, однако безъ достаточнаго основанія. Наоборотъ, вполне вѣрно переводить Гартманъ: «...die Erben wie Stellvertreter zu eigenem Nutzen eintreten» (указ. соч. стр. 28). Но въ остальномъ Гартманъ, въ противоположность Чичерину, не уловилъ истиннаго смысла словъ Лейбница, и притомъ въ основномъ пунктѣ. Не удѣлившіи вниманія тому, что было раньше сказано философомъ относительно законнаго наслѣдованія, Гартманъ не уяснилъ себѣ, повидимому, что вопросъ идетъ, главнѣйшимъ образомъ, о спорѣ, изъ естественнаго ли закона происходитъ институтъ завѣщанія, или нѣтъ, изъ закона положительнаго (а вовсе не о томъ, существуетъ ли, или не существуетъ «die rechtliche Möglichkeit der Testamente»). Ср. и здѣсь опять Лассалъ: «Testamente aber wären mit vollem Recht durchaus null und nichtig» (въ указ. мѣстѣ).

¹⁸ Одинъ изъ новѣйшихъ писателей по вопросамъ римскаго наслѣдственнаго права, австрійскій юристъ Woess (см. его «Das römische Erbrecht und die Erbanwörter», 1911, стр. 10), подчеркиваетъ, что у Цицерона—какъ разъ обратно тому, что учитъ Лейбницъ—не завѣщаніе выводится изъ безсмертія души, а, напротивъ того, безсмертіе выводится изъ завѣщанія. Говоря точнѣе, Цицеронъ ссылается на завѣщаніе, какъ на одинъ изъ доводовъ въ пользу безсмертія души. Вотъ это мѣсто изъ Tusculan. disputat. (lib. I cap. XIX), не разъ встрѣчающееся въ литературѣ предмета (на него, между прочимъ, особенно силится опереться Лассалъ, тамъ же стр. 20 и слл., его же толкуетъ Эдуардъ Гансъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ «Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwicklung. Band II: Das römische Erbrecht...», стр. 148 и сл.): «Maximum vero argumentum est naturam ipsam de immortalitate animorum tacitam iudicare, quod omnibus curae sunt, et maxumae quidem, quae post mortem futura sint... Quid procreatio liberorum, quid propagatio nominis, quid adoptiones filiorum, quid testamentorum diligentia, quid ipsa sepulcrorum monumenta, elogia significant nisi nos futura etiam cogitare? ... Nemo unquam sine magna spe immortalitatis se pro patria offerret ad mortem...»

¹⁹ Pufendorf, De Jure Naturae et Gentium, lib. IV cap. X § IV i. f., и къ нему примѣчаніе Барбейрака (Barbeyrac) (прим. 4 въ Базельскомъ изданіи 1771 года); Thomasi Diss. de Origine Successionis Testamentariae § XIX: «Quod vero nonnulli testamenti faciendi ius ex doctrina de immortalitate animi deducere amaverint, pium quidem est et subtile, sed quod tamen magis somniantibus, quam vigilantibus, quales nos sumus, commendari meretur». Всѣ они еще только догадываются, что авторъ сочиненія «Nova methodus»—«Gottfridus Guilielmus Leibnitius, patriae suae et universae Germaniae decus immortalis» (Pufendorf l. c.), такъ какъ первое изданіе нашей книги появилось анонимно или почти анонимно (значились лишь начальныя буквы имени и фамиліи автора). Изъ писателей того же времени ср. еще, напр., весьма виднаго Gundling'a (Nic. Hieron), который въ диссертациі «De principe haerede ex testamento civium» (1721) недоумѣваетъ по поводу взгляда Лейбница: «...quid tum velit animula, quando non amplius cum corpore est coniuncta...». Къ тому же, добавляетъ авторъ, «nec constat, utrum anima sit damnata, an secus... Quis enim damnatae animae voluntatem censet exsequendam? Quis hanc de rebus post se relictis, inter varios tumultus ac perturbationes, cogitare certo statuat? Quod si vero in beatis locis versetur, aliis forte ac sanctoribus rebus occupatur, quam quae ad hanc referuntur vitam...». Противъ Лейбница высказались въ числѣ прочихъ и Гейнекціи («Opusculorum variorum sylloge...» (1735), Exercitatio XXVI («De testamentificatione») § 3; затѣмъ, неаполитанскій профессоръ Antonius Genuensis въ своей книгѣ «De Jure et Officiis...» (2 ed. 1776), cap. XIV § 9, и другіе..

Изъ писателей, далѣе, первой половины 19-го столѣтія назовемъ здѣсь Krug'a (Wilh. Traugott), точно также отвергавшаго доктрину Лейбница о наслѣдованіи («eine ungereimte Ansicht»), по такимъ основаніямъ: «Die Unsterblichkeit der Seele ist eine Glaubenssache, welche in die Rechtslehre nicht eingemischt werden darf; und wenn die Erben nur Procuratoren ihrer Erblasser wären, so ginge ja die Procuratur in's Unendliche fort. Was sollte denn aber den Verstorbenen ihr fortwäh-

rendes Eigenthumsrecht helfen und wie sollten sie es geltend machen?» («Allgemeines Handwörterbuch der philosophischen Wissenschaften nebst ihrer Literatur und Geschichte», 2 изд. 1832—1838, I стр. 795 и сл., s. v. «Erbfolge»).

Что касается в второй половине 19-го вѣка, то отмѣтимъ, что французскій юристъ Brocher въ своей извѣстной работѣ «Etude historique et philosophique sur la légitime et les réserves en matière de succession héréditaire» (1868), судить о теоріи Лейбница не менѣе строго: «Cette théorie du testament a souvent été citée comme preuve de l'influence exercée sur le droit par les convictions religieuses, nous ne la croyons pas moins dangereuse et fausse...» (стр. 287). Ср. еще A. d. Franck, Philosophie du droit civil (1886), стр. 199 и сл. («C'est bien un raisonnement de l'autre monde...») и Voistel, Cours de philosophie du droit, 1899, I стр. 447 («Voit-on le possesseur d'un champ au XIX-e siècle agissant comme procurator du Celte ou du Romain qui l'a laissé dans sa succession au commencement de l'ère chrétienne? S'il est vrai que l'âme vit au-delà de la tombe, elle n'a plus aucune action sur les choses matérielles de ce monde; celles-ci ne sauraient plus lui être utiles en rien; elle n'a donc plus sur elles aucun droit de propriété ou autre»). Какъ уже замѣчено, отрицательно относятся къ Лейбницу еще Унгеръ, «Das Oesterreichische Erbrecht», введение, прим. 2, и, наконецъ, Чичеринъ и Гартманъ въ указ. мѣстахъ. Послѣдній отзывается здѣсь слѣдующимъ образомъ: «...diese ganz unreife Idee des jugendlichen Leibniz, vielleicht die verkehrteste, die in der nova methodus sich findet...»

Все же существуютъ и такіе мыслители, которые на ученіе Лейбница о завѣщаніи смотрятъ нѣсколько иначе. Такъ, не иной кто, какъ Аренсъ замѣчаетъ: «C'est le génie de Leibniz, qui, faisant jaillir de toutes les matières qu'il aborde de plus profondes vérités, ramène la cause du respect dont la volonté du défunt est entourée à l'immortalité de l'âme et à la persistance de sa volonté au-delà de cette vie». Впрочемъ, и Аренсомъ теорія Лейбница, «dans la formule juridique», все-таки отвергается (Arens, Cours de droit naturel ou de philosophie du droit, 7 изд., 1875, II стр. 301).

²⁰ См. Ferdinand Lassalle, Das System der erworbenen Rechte. Zweiter Theil: Das Wesen des Römischen und Germanischen Erbrechts in historisch-philosophischer Entwicklung. Изд. 2, стр. 501—504.

00070741

ЮФ СПбГУ